

Цзи Фу был всего лишь евнухом, в то время как Тан Шэнь занимал высокий пост чиновника четвертого ранга. Тан Шэнь отвесил ему формальный поклон, что не совсем соответствовало этикету, но Цзи Фу это было чрезвычайно приятно. Еще в те времена, когда Тан Шэнь служил придворным историографом, он относился к Цзи Фу с подчеркнутым уважением и по праздникам всегда присылал скромные подарки. Теперь, дослужившись до четвертого ранга и став дворцовым секретарем в Дворце Циньчжэн, Тан Шэнь обращался с ним по-прежнему, отчего морщины на лице Цзи Фу расправились в еще более глубокой улыбке.

Вкрадчивым тонким голосом евнух проговорил:

— Господин Тан, Государь ожидает вас во Дворце Чуйгун, идемте скорее со мной.

Тан Шэнь тут же последовал за Цзи Фу во Дворец Чуйгун.

Во Дворце Чуйгун Чжао Фу перелистывал докладную записку. Увидев Тан Шэня, он отложил свиток и с улыбкой сказал:

— А, Цзинцзэ пришел.

Тан Шэнь поклонился, сложив руки перед грудью:

— Его Величество.

Тан Шэнь краем глаза огляделся вокруг. Сидевшие по обе стороны придворные историографы и летописцы оказались незнакомыми лицами — должно быть, император назначил их уже после ухода Тан Шэня.

Чжао Фу посмотрел на Тан Шэня и мягко произнес:

— Мы давненько не виделись, Цзинцзэ, отчего же ты так отдаляешься от Нас?

Тан Шэнь весьма кстати поднял голову, изобразив на лице глубокое благоговение и признательность.

Чжао Фу не упустил из виду этот мелкий жест. Он прекрасно понимал, что Тан Шэнь намеренно пытается ему угодить, но ему нравилось чувствовать себя объектом лести. К тому же чиновники, которых можно было прочесть насквозь, нравились Чжао Фу больше всего.

— Мы уже в годах, — заговорил Чжао Фу. — В последнее время, просматривая докладные во Дворце Чуйгун, Мы замечаем, что свет стал совсем тусклым — не то что раньше.

Тан Шэнь поспешно произнес:

— Да продлятся года Его Величества наравне с небесами!

— Цзинцзэ, Мы размышляли над этим и пришли к выводу, что эти оклеенные бумагой окна пропускают слишком мало света. Слышали Мы, будто ты создал одну любопытную вещь.

С этими словами Чжао Фу взглянул на Цзи Фу. Тот мгновенно всё понял и приказал младшему евнуху подать поднос из ценного грушевого дерева, на котором лежал кристально чистый, прозрачный предмет.

Диковина оказалась настолько удивительной, что прислуживавшие в зале евнухи, а также историографы и летописцы в изумлении замерли.

— Подними голову и взгляни, — повелел Чжао Фу.

Тан Шэнь поднял глаза и, наткнувшись взглядом на маленький стеклянный флакон с эфирным маслом, остолбенел.

Наблюдая за ошеломленным Тан Шэнем, Чжао Фу произнес:

— Знакомая вещь, не правда ли? Это принадлежит Цзыфэну. Как-то раз край этого флакончика выскользнул у него из рукава, Мы заметили его и забрали поразглядывать. Прозрачная цветная глазурь — редкая вещь. Цзыфэн сказывал, будто это твоя работа, правда ли?

В голове Тан Шэня пронеслась тысяча мыслей. Он поклонился:

— Ваш покорный слуга родом из Клана Тан из управы Гусу, и моя семья занимается торговлей. Сия прозрачная глазурь зовется стеклом, и создана она стараниями одного из мастеров в Мастерской семьи Тан.

— Замечательная вещь, за такое полагается награда. Однако Нам кажется, сделана она не из цветного глазурованного камня?

Тан Шэнь вкратце описал исходные материалы для производства стекла.

Его охватил смертельный трепет, сердце ушло в пятки, однако Чжао Фу лишь многозначительно посмотрел на него и вновь погладил пальцами маленький стеклянный флакон.

— Заменяй-ка для Нас все бумажные окна во Дворце Чуйгун.

— Слушаюсь!

Обливаясь холодным потом и с дрожащими пальцами, Тан Шэнь покинул Дворец Чуйгун. Ступив на дворцовую дорогу из белого нефрита, он повернулся и посмотрел на величественный дворец. Губы его шевельнулись, но он понял, что не может вымолвить ни слова.

Всего одна фраза Чжао Фу — и семья Тан превратилась в императорских поставщиков, а стекло стало личной собственностью семьи Тан!

Тан Шэнь не знал, как Ван Чжэню это удалось. Что именно он совершил за эти два месяца, раз Чжао Фу проникся к Тан Шэню таким доверием, что согласился внести семью Тан в список императорских поставщиков и сделать стекло символом семьи Тан?

Все эти дни Тан Шэнь не спал ночами. Он даже подумывал намеренно сократить производство стекла, чтобы вещь оставалась редкой и ценной.

Но Ван Чжэнь смел со своего пути все препятствия.

«Ван Цзыфэн...»

«Старший брат».

Тан Шэнь тихо прошептал это имя, чувствуя, как в груди неистово колотится сердце.

В тот же вечер, прихватив коробку со сладостями, он отправился в Резиденцию министра.

Ван Чжэнь при лунном свете перебирал струны циня. Впрочем, он лишь настраивал инструмент. На нем был сине-зеленый халат, а длинные волосы удерживала нефритовая заколка. Услышав шаги, Ван Чжэнь поднял голову и, будто заранее зная о приходе Тан Шэня, тихо улыбнулся:

— Младший брат.

Тан Шэнь вошел в беседку у пруда. Он долго пристально смотрел на Ван Чжэня, прежде чем произнести:

— Мне кажется, сегодня я получил новогодний подарок, который приготовил для меня старший брат.

При мерцающем лунном свете юноша улыбнулся, и Ван Чжэнь медленно сжал губы.

В саду у края пруда в воде отражался круглый диск полной луны. Легкий ветерок пролетал мимо, пуская по воде зыбкую рябь.

Тан Шэнь поставил коробку со сладостями на стол. Ван Чжэнь жестом указал ему на место:

— Садись.

Тан Шэнь опустился на каменный табурет.

С древних времен благородные мужи ценили утонченность, а красавицы славились владением цинем, шахматами, каллиграфией и живописью. Это не означало, будто благородный муж не может преуспеть в этих искусствах — в мире хватало талантливейших мужей, и самый знаменитый из них сейчас сидел прямо перед Тан Шэнем. Если бы речь шла об игре в шахматы, каллиграфии или живописи, Тан Шэнь еще смог бы сделать вид, что разбирается, подражая мастерству других ради приличия. Но вот в игре на цине он абсолютно ничего не смыслил.

За пять лет после своего перемещения в этот мир он потратил почти всё время на учебу и подготовку к Государственным экзаменам — откуда у него взялись бы часы на обучение игре на цине?

Тан Шэнь послушно сидел рядом, наблюдая, как Ван Чжэнь настраивает инструмент. Закончив, Ван Чжэнь спросил:

— Что бы младший брат хотел послушать?

Тан Шэнь, не подумав, выпалил:

— «Высокие горы и текучие воды».

В этом нельзя было винить Тан Шэня — мелодия «Высокие горы и текучие воды» в далеком будущем стала настолько известной, что превратилась в крылатое выражение. Тан Шэнь отродясь не слушал древние мелодии для циня, поэтому и смог назвать лишь «Высокие горы и текучие воды».

Ван Чжэнь невольно рассмеялся и вздохнул:

— «Высокие горы и текучие воды» — это два разных произведения: «Высокие горы» и «Текучие воды».

Тан Шэнь опешил:

— А, вот как? Тогда старший брат сыграет обе?

— Партитура для циня «Высоких гор и текучих вод» была потеряна из-за войн еще во времена Великого Предка. До наших дней дошли лишь разрозненные отрывки.

Больше Ван Чжэнь ничего не стал спрашивать и сразу заиграл «Гуанлинсань».

Тан Шэнь почесал нос, понимая, что старший брат раскусил его непросвещенность и решил больше не устраивать расспросов, дабы не вгонять его в краску. Слушая «Гуанлинсань», он так и не понял, что это за мелодия, хотя мотив показался ему довольно трогательным. Как человек из современного мира, привыкший к поп-музыке, Тан Шэнь никогда не слышал подобных изысканных старинных наигрышей и совершенно не умел их ценить.

Однако, глядя на то, как Ван Чжэнь перебирает струны в свете луны, Тан Шэнь начал кое-что осознавать.

«Возможно, слушая игру на цине, люди наслаждаются не столько мелодией, сколько самим музыкантом», — вздохнул про себя Тан Шэнь.

Старший брат действительно достиг невиданных высот утонченности и отрешенности от мирского!

Дунь сейчас порыв ветра, и этот Ван Цзыфэн, пожалуй, вознесся бы прямо к небесам, обратившись в бессмертного.

Закончив играть «Гуанлинсань», Ван Чжэнь велел слуге убрать инструмент. Братья-ученики пили чай и любовались луной, когда Ван Чжэнь произнес:

— Как получилось, что младший брат сегодня вспомнил обо мне и заглянул в Резиденцию министра?

«Ты же прекрасно знаешь, зачем я пришел, — мысленно возмущился Тан Шэнь. — К тому же я с порога сказал, что получил твой подарок и понял: это ты преподнес стеклянный флакон с эфирным маслом императору и выхлопотал для меня статус императорского поставщика! Ван Цзыфэн вечно ходит вокруг да около. Вещь, которую можно объяснить в двух словах, он ни за что не скажет прямо — обязательно заставит тебя самого выложить всё до единой мелочи, словно горох из мешка высыпать».

Тан Шэнь мог лишь про себя побрюзжать, однако внешне одарил Ван Чжэня исполненным восхищения взглядом:

— Сегодня Его Величество призвал меня во Дворец Чуйгун и показал стеклянный флакон.

Ван Чжэнь вздохнул:

— Какая случайность! В тот день Его Величество заметил его, и вещь ему так понравилась, что мне ничего не оставалось, кроме как подарить ее. Младший брат, ты ведь не станешь винить меня?

Тан Шэнь не нашел, что ответить.

Хитрый лис! Опять притворяется!

Тан Шэнь тут же проговорил:

— Разумеется, нет, я безумно благодарен старшему брату! Его Величество повелел мне заменить все окна во Дворце Чуйгун этим прозрачным стеклом. Отныне торговля стеклом закреплена за семьей Тан.

Ван Чжэнь с улыбкой налил себе чая. Подняв взгляд, он без слов спросил Тан Шэня, и тот пододвинул свою чашку ближе.

— Только одного я так и не понял... — проговорил Тан Шэнь. — Как старший брат сумел всё это устроить?

— Разве младший брат забыл, кто я такой?

Тан Шэнь растерялся:

— Старший брат?

Ван Чжэнь отпил чая и с невозмутимым видом произнес:

— Я ведь Министр финансов действующей династии, младший брат.

Тан Шэня озарило.

Для кого-либо другого назначить императорского поставщика и ввести семью Тан в поле зрения императора было бы делом чрезвычайно сложным. Однако для Ван Чжэня, который как раз возглавлял Финансовый приказ и заведовал подобными делами, это являлось естественным и само собой разумеющимся. Впрочем, хотя Ван Чжэнь и говорил об этом с такой легкостью, зная подозрительный нрав Чжао Фу, ради достижения такой цели ему явно пришлось прибегнуть к изощренным средствам, о которых Тан Шэнь не мог и помыслить.

<http://bllate.org/book/18292/1754570>